

Литература и жизнь.

Мас. №1028_{7,8}

имѣлъ на этотъ счетъ разныя видѣнія. Трогательный и довольно длинный рассказъ монаха заинтересовалъ слушателей. Они осведомились о личности рассказчика. Оказалось, что онъ, между прочимъ, былъ въ военной службѣ, и именно вотъ къѣмъ: «Я конэссеръ-съ, конэссеръ, или, какъ престонароднѣе выразить, я въ лошадахъ знатокъ и при ремонтерахъ состоялъ для ихъ руководствованія». Идетъ рассказъ объ томъ, какъ «конэссеръ» уброщалъ лошадей и въ особенности одну, отъ которой самъ «бѣшеный укротитель» Рарей отказался; затѣмъ рассказъ объ томъ, какъ Рарей приглашалъ «конэссера» къ себѣ на службу и почему это дѣло не состоялось. Тогда слушатели приступаютъ къ рассказчику съ просьбой повѣдать имъ свою жизнь, на что онъ тотчасъ же и соглашается. «Только, говорить, я иначе не могу, какъ съ самаго первоначала». И начинается... Тутъ и эпизоды изъ раннего дѣтства, и татарскій плѣнъ, и цыганскій таборъ, и исторія любви какого то князя, у котораго конэссеръ служилъ, и исторія другой любви того же князя, и рассказы объ томъ, какъ конэссеръ на Кавказѣ солдатомъ сражался, и какъ онъ въ адресномъ столѣ служилъ, и какъ онъ на балаганахъ демона представлялъ, какъ въ монастырь попалъ и какія ему тамъ искушенія были и проч. Все это съ величайшими и подчасъ очень утомительными подробностями. Архитектоника этого литературнаго калейдоскопа нисколько не пострадала бы, еслибы конэссеръ, напримѣръ, не представлялъ демона на балаганахъ или, напротивъ, представлялъ не только демона, но еще и какого нибудь «Вылезарія»; если бы онъ совсѣмъ не былъ въ татарскомъ плѣну или, напротивъ, побѣдилъ въ этомъ плѣну, а потомъ еще во Францію или Англію какъ нибудь попалъ. Вдобавокъ пестрыя приключенія конэссера рассказаны казнимъ то дѣланымъ, то утрированно-престонароднымъ, то стариннымъ книжнымъ языкомъ.

«Замечательный Ангелъ». Это одинъ изъ лучшихъ рассказовъ во всемъ литературномъ багажѣ Лѣскова. Но, не говоря ужъ объ утрированности языка, отсутствіе чувства мѣры поргить этотъ рассказъ и въ другихъ отношеніяхъ. На постоянный дворъ ночью выѣга загнала много людей разнаго званія. У одного изъ нихъ, обазавшагося старовѣромъ, какъ это часто случается у Лѣскова, наплась въ запасѣ «цѣлая большая исторія», которую онъ, тоже по примѣру многихъ другихъ персонажей Лѣскова, по первой же просьбѣ присутствующихъ, соглашается рассказать. Почему то этотъ рассказчикъ стоитъ на колѣняхъ, когда всѣ прочіе сидятъ или лежатъ. Ему предлагаютъ устроиться поудобнѣе, но онъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ-съ, на этомъ благодарю-съ! Зачѣмъ васъ стѣснить, да и къ тому же повѣсть, которую я предъ вами поведу, пристойнѣе на колѣняхъ стоя сказывать, потому что это дѣло весьма священное и даже страшное». И затѣмъ онъ, стоя на колѣняхъ, говоритъ на протяженіи слишкомъ 70 страницъ убористаго шрифта.

Пусть ктонибудь изъ почитателей Лѣскова прочтаетъ этотъ разсказъ, стоя на колѣняхъ, и я увѣренъ, что, поднявшись, онъ скажетъ: да, это ужъ, «бесмѣрно»! А и эта бесмѣрность вызвана бесмѣрностью же: весь тонъ разсказа свидетельствуетъ, тонъ до чрезмѣрности, о чувствахъ, волнующихъ рассказчика, но Лѣскову и это кажется мало, а потому онъ считаетъ нужнымъ еще подчеркнуть ихъ, заставляя своего героя стоять на колѣняхъ. При этомъ не видно, однако, зачѣмъ онъ стоялъ на колѣняхъ до разсказа о «дѣлѣ весьма священномъ и даже страшномъ»: онъ не молился и участвовалъ въ разговорѣ объ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ. Какъ бы то ни было, но чтобы растянуть разсказъ на 70 страницъ, рассказчикъ торопиться не долженъ. Онъ и не торопится и вводитъ въ свою повѣсть непомѣрное количество отступлений и постороннихъ эпизодовъ, причемъ рѣчь не всегда о дѣлахъ священныхъ и даже страшныхъ идетъ. Напримеръ: «У насъ въ русскомъ настоящемъ понятіи насчетъ женскаго сложенія соблюдается свой типъ, который по нашему гораздо вышешаго легкомыслія соотвѣтственнѣе. Мы длинныхъ юбковъ не уважаемъ, а любимъ, чтобы женщина стояла не на длинныхъ ножкахъ, да на крѣпкихъ, чтобы она не путалась, а какъ шарикъ всюду каталась и поспѣвала, а цыбастенькая побѣжитъ да спотыкнется. Змѣвидная тонина у насъ тоже не уважается, а требуется, чтобы женщина была изъ себя понѣдристѣе и съ пазушкой, потому оно хотя это и не такъ фигурно, да за то материнство въ ней обозначается; лобочки въ нашей настоящей чисто русской женской породѣ хоть потѣльнѣе, помясистѣе, а за то въ этомъ мягкомъ лобочкѣ веселости и привѣта больше. То же и на счетъ носика: у нашихъ носики не горбылемъ, а все будто пипочкой, но этакая пипочка, она, какъ вамъ угодно, въ семейномъ быту гораздо благоувѣтливѣе, чѣмъ сухой гордынь. А особливо бровь» и т. д. (I, 465, 466). Согласитесь съ тѣмъ, что для этой диссертациі можно бы и поднять рассказчика съ колѣнъ, а еще бы лучше и совсѣмъ не вводить ее въ повѣсть о «дѣлѣ священномъ и даже страшномъ». Пропорціональность отдѣльныхъ частей разсказа отъ этого только выиграла бы, равно какъ и пропорціи фигуры рассказчика; но пропорціональность, художественная мѣра и есть именно то, чего никогда не хватало Лѣскову.

То же отсутствіе чувства мѣры сказывается и въ пристрастіи Лѣскова къ изображенію съ одной стороны «праведниковъ» (онъ ихъ иногда такъ и называетъ), а съ другой злодѣевъ, превосходящихъ всякое вѣроятіе. Изъ нашихъ писателей, не то что первоклассныхъ, а хоть скольконибудь заслуживающихъ памятной отмѣтки въ исторіи литературы, не найдется ни одного, который бы такъ неумѣренно возвеличивалъ своихъ любимцевъ и всачески пригнеталъ своихъ художественныхъ пасынковъ. Здѣсь эстетиче-

спая «безмѣрность» переходить уже въ ту свою параллель въ нравственной области, которая называется отсутствіемъ справедливости. Но мы будемъ говорить, какъ условились, только о художникахъ.

Разными орудіями бьетъ и казнитъ своихъ пасынковъ Лѣсковъ. Я не имѣю ни времени, ни, признаться, охоты изслѣдовать весь этотъ арсеналъ, да едва ли въ этомъ есть и надобность. Двухъ-трехъ примѣровъ для моей цѣли достаточно.

Въ романѣ «На пожарахъ» есть главы, называющіяся «Два вора», «Дока на доку нашель», «Воръ у вора дубинку укралъ». Книжечное положеніе, выражаемое этими поговорками, есть одна изъ излюблѣннѣйшихъ темъ Лѣскова. И это очень характерно все для той же его безмѣрности: изобразивъ негодяя или, по крайней мѣрѣ, хитреца, онъ искалъ случая свести его съ человѣкомъ еще гнуснѣе или хитрѣе, затѣмъ этого послѣдняго или обоихъ съ хитрѣйшими, наконецъ, согласно своей склонности къ нагроможденію превосходныхъ степеней, съ самымъ хитрѣйшимъ. Темъ этой Лѣсковъ иногда посвящалъ отдѣльные рассказы (напримѣръ «Отборное зерно», «Обманъ», т. VII), а иногда эксплуатировалъ въ видѣ эпизодовъ въ большихъ своихъ произведеніяхъ. Впрочемъ романъ «На пожарахъ» почти сплошь состоитъ изъ такихъ эпизодовъ. Тутъ два-три «праведника», несмотря на всю свою неизреченную красоту, еле мерцаютъ среди какаго то неистоваго шабаша вѣдьмъ и демоновъ, кувыряющихся другъ черезъ друга и озабоченныхъ лишь тѣмъ, чтобы не только «праведниковъ», но и одинокъ другого, другой третьяго и т. д. задуть. Воры, убійцы, поджигатели, обманщики-спириты, ростовщики, шпионы, содержанки спутываются въ какой то невѣроятной дикій клубокъ, слѣдить за нитями котораго почти физически тяжело. Но порокъ въ концѣ концовъ не торжествуетъ. И вотъ, для образца, какъ казнится онъ въ лицѣ одного изъ негодяевъ, Висленева. Это воръ и убійца и все таки далеко не самый большой негодя въ коллекціи. У него «воруютъ дубинки» архи-негодяй Гордановъ, красивый демонъ въ юбкѣ Глафира Бодростина, собственная его жена, любовница ея, шпионъ и ростовщикъ Кишенскій. Послѣдніе двое составляютъ источникъ едва ли не наибольшихъ несчастій Висленева: они запутали его въ неоплатные долги и всячески притѣсняють, такъ что онъ, когда то пропагандистъ «женскаго вопроса», и, такъ сказать, ради него женившійся (это особая и очень длинная исторія), теперь трепещетъ передъ этимъ «женскимъ вопросомъ», видя его воплощеніе въ своей женѣ. Это не мѣшаетъ ему быть влюбленнымъ въ Глафиру Бодростину и, домогаясь взаимности, совершать всевозможныя подлости. Бодростина, въ своихъ преступныхъ цѣляхъ, облыжно подаетъ ему надежды и, между прочимъ, везетъ его съ собой въ Парижъ, гдѣ выдаетъ его за лакея, дворецкаго, а потомъ медлума, каковыя роли онъ

исполняютъ съ успѣхомъ. Изъ всей этой путаницы мы остановимся только на возвращеніи Висленева, вмѣстѣ съ Бодростиной, въ Россію.

Въ Берлинѣ Висленевъ выкрасился — или, какъ не совсемъ извѣстно, но во вкусѣ Лѣсковскаго остроумія выражается Бодростина, «окрасился въ воробую масть и росписалъ себя родимыми бородавками фронтонъ». Онъ такъ мотивируетъ эту метафоризу: «Я за границей, при иностранныхъ законахъ о правѣ женщины, не трусилъ и никогда бы не струсилъ и не боялся моей жены, будь я ей хоть даже вдесятеро болѣе долженъ; но когда мы въѣзжаемъ въ Россію, гдѣ на сторонѣ женщины законъ, тутъ... я, какъ мужчина, обязанъ сберечь свою свободу отъ женной власти; да-съ, я это обязанъ!» (IX, 189). — Не забудьте, что это трусить воръ и убійца, но дѣло въ томъ, что у него «украли дубинку» еще болѣе вороватые жена и ея любовникъ. Казалось бы, даже гораздо болѣе совѣстливый человѣкъ, чѣмъ Висленевъ, можетъ довольно просто выпутаться изъ когтей жены и ея любовника, но нашъ авторъ не любитъ простыхъ путей: ему нудно, чтобы у вора была украдена дубинка и чтобы болѣе вороватые колотили его этой дубинкой, что называется, сколько влѣзетъ. И вотъ Висленевъ, не довольствуясь переодѣваніемъ въ Берлинѣ, еще усиливаетъ его въ Петербургѣ: подвязалъ себя огромную бороду и надѣлъ на голову «вязанный полосатый британскій колпачекъ». Въ этомъ дурацкомъ видѣ онъ, къ удивленію Бодростиной (да и читателя), зачѣмъ то вскакиваетъ, за лакея, на козлы ея кареты, нанятой у вокзала, хотя, конечно, въ каретѣ онъ былъ бы безопаснѣе. Затѣмъ, добравшись въ лакейскомъ видѣ до дома мужа Бодростиной, онъ вихремъ пролетаетъ черезъ всю квартиру и запирается въ ванной комнатѣ, откуда уже не хочетъ выходить. При этомъ онъ выдергиваетъ кранъ въ ваннѣ и чуть не затопляетъ квартиру, а самъ стоитъ «какъ мраморный дельфинъ, окутываемый брызгами фонтана»...

Этимъ далеко не кончаются злоключенія Висленева, но право же скучно за ними слѣдить. Я выбралъ далеко не самый яркій эпизодъ изъ романа «На ножкахъ», притомъ же подкрашенный комизмомъ, но его, по крайней мѣрѣ, можно выдѣлать. Исторія же краденыхъ дубинокъ другихъ дѣйствующихъ лицъ романа — Бодростиной, Гордапова, Кипшенскаго, Ропшина, княгини Вахтерминской и двухъ ея любовниковъ и проч. — просто непередаваема, до такой степени переплетены злодѣяства и подлости этихъ кознодѣевъ и архи-кознодѣевъ. По истинѣ можно сказать: «быкъ реветъ, медвѣдь реветъ, а кто кого деретъ, — самъ чортъ не разберетъ». А въ добавокъ въ концѣ романа на сценѣ появляются судебные слѣдователи и сыщики, которые, не будучи сами «ворами», всѣхъ или почти всѣхъ «воровъ» перехитряютъ и на законномъ основаніи у нихъ дубинки отбираютъ.

Такую же непомѣрную путаницу всевозможныхъ пакостей и взаимныхъ подсиживаній представляютъ отношенія Варнавы Препотенскаго, князя Борноволокова, Термосесова и др. въ «Соборяхъ». Любопытно, что Варнава Препотенскій терпитъ отъ автора приблизительно такую же казнь, какъ Висленевъ въ «На ножахъ». Вотъ что сообщаетъ объ немъ дьяконъ Ахилла изъ Петербурга: «Варнава сталъ человѣкъ жестоко несчастливый, потому что невѣданныхъ женился на здѣшней барышнѣ, которая гораздо всякой дамы строже и судить все противъ брака, а Варнаву, говорятъ, не рѣдко бьетъ, и онъ теперь совсѣмъ уже не такой: самъ мнѣ открылся, что еслибы не боялся жены, то готовъ бы даже за Бога въ газетѣ заступиться, и ругательски ругаетъ госпожу Бизюкину, а особливо Термосесова, который чудесно было себя устроить и получать большое жалованье на негласной службѣ для надзора за честными людьми, но врагъ его смутилъ жадностію: сталъ фальшивыя бумажки перепущать и теперь въ острогъ сѣлъ» (I, 319).

Но оставимъ этихъ энциклопедическихъ, всестороннихъ изверговъ и негодаевъ и попробуемъ взглянуть на Лѣсковскихъ «праведниковъ». Ихъ у него много. Онъ ихъ и изъ древнихъ сказаній заимствовалъ, и изъ исторической или якобы исторической дѣйствительности, и наконецъ изъ собственной художественной фантазіи. Въ числѣ ихъ есть люди высокопоставленные и мелкая сошка, духовнаго и свѣтскаго званія, мужского и женскаго пола, мудрые и придурковатые. Мы остановимся только на одной ихъ группѣ, представляющей нѣкоторый спеціальнѣйшій интересъ.

Въ разсказѣ «Звѣрь» (т. VII) фигурируетъ жестокий помѣщикъ, распространяющій вокругъ себя страхъ и уныніе. Онъ большой любитель охоты и выращиваетъ у себя медвѣжатъ, которыхъ, по достиженіи ими извѣстнаго возраста, травитъ собаками. Въ числѣ его охотниковъ есть двадцатипятилѣтній паренъ Ферাপонтъ, красавецъ, силачъ и удалецъ. Съ медвѣдами онъ былъ вообще въ дружескихъ отношеніяхъ, но въ особенности пользовался его любовью и отплачивалъ ему взаимностью молодой медвѣдь Сганарель. И вотъ наступила очередь этому Сганарелю быть убитымъ. Помѣщикъ, знавшій объ отношеніяхъ Ферапонта къ Сганарелю, съ утонченною жестокостью предоставилъ ему главную роль въ охотѣ. Кончилось однако тѣмъ, что Ферапонтъ далъ медвѣдю убѣжать въ лѣсъ, причемъ пулю, предназначенную Сганарелю, получилъ печально въ руку онъ, Ферапонтъ. Помѣщикъ былъ чрезвычайно разгнѣванъ, и всѣ со страхомъ ожидали, какое наказаніе придумаетъ онъ Ферапонту. Но случилось нѣчто для всѣхъ неожиданное. Дѣло было на Рождествѣ. Старичекъ священникъ заговорилъ съ дѣтьми, въ присутствіи гнѣвнаго помѣщика, о смыслѣ пѣсни «Христосъ рождается» и продолжалъ свою рѣчь такъ трогательно на тему о любви и прощеніи, что

помѣщикъ смягчился и даже расплакался. А затѣмъ произошло слѣдующее. Помѣщикъ велѣлъ позвать Ферапонта, или «Храпошку», какъ его обыкновенно называли.

Тотъ предсталъ блѣдный, съ подвязанной рукой.

— Стань здѣсь! — велѣлъ ему дядя (помѣщикъ) и показавъ рукою на коверъ.

Храпошка подошелъ и упалъ на колѣни.

Встань... поднимись! — сказалъ дядя. — Я тебя прощаю.

Храпошка опять бросился ему въ ноги. Дядя заговорилъ нервнымъ, взволнованнымъ голосомъ.

— Ты любишь звѣря, какъ не всякій умѣетъ любить человека. Ты меня этимъ тронулъ и превзошелъ меня въ великодушіи. Объясняю тебѣ отъ меня милость: даю вольную и сто рублей на дорогу. Или, куда хочешь.

— Благодарю, я нигуда не пойду, — воскликнулъ Храпошка.

— Что?

— Нигуда не пойду, повторилъ Ферапонтъ.

— Чего же ты хочешь?

— За вашу милость я хочу вамъ вольной волей служить честнѣй, чѣмъ за страхъ по неволѣ.

Дядя моргнувъ глазами, приложивъ къ нимъ одной рукой свой бѣлый фуляръ, а другой, нагнувшись, обнялъ Ферапонта...

Ферапонтъ сталъ вольнымъ, но остался служить у помѣщика, переѣхавъ съ нимъ въ Москву, тамъ похоронилъ его, самъ умеръ и «лежитъ въ ногахъ у него». «Но въ московскихъ норахъ и трущобахъ есть люди, которые помнятъ бѣлоголоваго длиннаго старика, который словно чудомъ умѣлъ узнавать, гдѣ есть истинное горе, и умѣлъ поспѣвать туда во время самъ, или посплалъ не съ пустыми руками своего добраго пучеглазаго слугу». Эти два праведника и были возродившіеся къ новой жизни помѣщикъ и его вѣрный Ферапонтъ.

Лѣсковъ есть по преимуществу рассказчикъ анекдотовъ. Даже его болѣе произведенія представляютъ собою, собственно говоря, цѣль анекдотовъ, болѣе или менѣе прямолинейную, какъ въ «Очарованномъ странникѣ», «Запечатлѣнномъ Ангелѣ», «Полунощникахъ», «Смѣхѣ и горѣ», «Печерскихъ антикахъ» и проч., или же чрезвычайно запутанную, какъ въ «Соборанахъ», «Захудаломъ родѣ», «Некуда», «На ножкахъ». Анекдотъ же, какъ нѣчто отрывочное и случайное, серьезно самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Въ лучшемъ случаѣ онъ призванъ не характеризовать извѣстное лицо или положеніе, а лишь дополнять или иллюстрировать характеристику. Въ большинствѣ же случаевъ анекдотъ цѣнится ради его мимолетной занимательности: анекдотъ выслушавъ, произведъ извѣстное впечатлѣніе, трогательное или комическое, и съ востого этого довольно, вы не очень задумываетесь надъ тѣмъ, сколько въ немъ были и сколько неблизости. Можно бы было признать именно такимъ анекдотомъ рассказъ о жестокомъ помѣщикѣ и вѣрномъ Ферапонтѣ, на ряду съ какими нибудь пустяками въ родѣ «Путешествія съ нигилистомъ»

(т. VII), «Голоса природы» (тамъ же) и т. п.: пробѣжать можно, но задумываться не стоитъ и сейчасъ же забыть можно. Однако въ разсказѣ о Ферапонтѣ есть черта, которую Лѣсковъ не давалъ забыть, въ которой онъ даже слишкомъ часто возвращался и въ мелкихъ своихъ произведеніяхъ, и въ романахъ. Черта эта—рабская преданность. Естественно, что черта эта главнымъ образомъ пробивается въ разсказахъ изъ дореформеннаго помѣщичьяго, крѣпостного быта. Главнымъ образомъ, но отнюдь не исключительно. Лѣсковъ вовсе не былъ почитателемъ крѣпостного права, какъ учрежденія, и умилялся не имъ, а добровольнымъ рабствомъ. Въ разсказѣ «Дама и Фефела» мы имѣемъ параллель между утврпрованно грубою «дамой» и «простолюдинкой», горничной или нянькой, Прашей, съ нѣжнымъ и благороднымъ сердцемъ, настоящей праведницей. Дѣло происходитъ уже въ новѣйшее время, и Праша, хотя и крестьянка, но человѣкъ вольный. Когда «дама», пстерзавъ своего мужа, разошлась съ нимъ, Праша переселилась къ нему. «Я — разсказывала она — только и хотѣла, чтобъ онъ зналъ, что онъ теперь не одинъ, а у него есть *раба*» (курсивъ Лѣскова: XII, 83). Въ «Старинныхъ психопатахъ» жена помѣщика Вишневекаго поставляетъ ему любовницъ, «крѣпостныхъ одалисокъ». Мужъ жилъ иногда въ другомъ имѣніи и жена, приготовивъ для него дѣвицу «по его вкусу», приглашала его къ себѣ. Онъ отвѣчалъ: «очень тебя благодарю и заботы твои обо мнѣ цѣню, а впрочемъ, въ главномъ выборѣ я на твой вкусъ больше, чѣмъ на свой собственный, полагаюсь». А жена въ свою очередь писала: «За довѣріе твое, безцѣнный другъ мой, весьма тебя благодарю и въ разсужденіи моего вкуса, въ чемъ на меня полагаешься, отъ души тебѣ угодить надѣюсь, но только прошу тебя, ангелъ моей души, пріѣзжай ко мнѣ сколь возможно скорѣе, потому что сердце мое по тебѣ стосковалось, и ты увидишь, что я не объ одной себѣ сокрушаюсь, но и твой вкусъ понимаю. Дѣти наши обѣ здоровы и тебѣ кланяются и цѣлуютъ ручки». Подпись: «твоя вѣрная жена и раба Степанида» (VII, 379). Авторъ приводитъ еще такое же письмо и съ виднымъ удовольствіемъ прибавляетъ: «И опять таже подпись: «жена и раба».

Эта рабская преданность, именно рабская, какъ неоднократно и разными способами подчеркиваетъ Лѣсковъ, умиляетъ его сама по себѣ, какъ таковая, и онъ не заботится объ томъ, чтобы какъ нибудь мотивировать ее и тѣмъ самымъ сдѣлать для читателя понятною. Напримѣръ, въ вышеупомянутомъ разсказѣ «Звѣрь» нѣтъ ни одного штриха, который подготовилъ бы читателя къ рѣшенію Ферапонта, получивъ вольную, остаться служить свирѣпому помѣщику. Ферапонтъ человѣкъ молодой, полный жизни,—казалось бы, съ чего ему оставаться при баринѣ, который только что сыгралъ съ нимъ злую шутку, да и вообще своею свирѣпостью прославился? Но, по щучьему велѣнію, по авторскому

прошенью, на Ферапонта ни съ того, ни съ сего нисходить духъ преданности, за что авторъ и производитъ его, вмѣстѣ съ бариномъ, въ праведники.

Въ числѣ вводныхъ эпизодовъ, непомѣрно нестрящихъ «На показъ», любопытно появленіе у гроба Бодростана его старата двороваго, полуномѣшаннаго восьмидесятилѣтняго «Сиды». Онъ ругательски ругаетъ своего барина; ему замѣчаютъ, что не годится такъ говорить о покойникѣ, да еще надъ его тѣломъ.

— А что мнѣ его тѣло! рѣзко отвѣтитъ старикъ. А извѣстно ли кому, что это не его тѣло, а мое? Да, да: кто мнѣ смѣетъ сказать, что это его тѣло? Когда онъ двѣнадцати лѣтъ тонуть, кто его вытащилъ? Я! Кто его устыжалъ, когда онъ въ Бога не вѣрилъ? Я! Кто его на войнѣ изъ чужихъ мертвыхъ тѣлъ на спилъ унесъ? Я! Я, все я, вѣрный рабъ Сидоръ Тимоѣевъ, я его изъ могилы унесъ, моимъ дыханьемъ отдышалъ!—закричалъ старикъ, пачавъ колотить себя въ грудь, и вдругъ подскочилъ къ самому столу, на которомъ лежалъ обезображенный мертвецъ, присѣлъ на корточки и зашамкалъ:—Я ради тебя имя крестное потерялъ, а ты какъ Сидора Тимоѣева злымъ псомъ называлъ? Какъ по сусаламъ билъ? Какъ ты его за дерзость на цѣпь сажалъ? За что, за правду? За то, что я вѣрный рабъ, я крѣпостной слуга, не наемникъ скаредный, не за деньги тебѣ служилъ, а за добромъ, потому что я правду говорилъ, и говорилъ я тебѣ, что я тебя переживу, и я тебя пережилъ, пережилъ, и я на судъ съ тобой стану, и ты мнѣ поклонись и скажешь: «прости меня, Сидъ», и я тебя тогда прощу, потому что я вѣрный рабъ, а не наемникъ, а теперь ты лежи, когда тебя Богъ убилъ, лежи и слушай» (IX, 421).

Изъ разсказовъ постороннихъ людей оказывается, что Сидъ дѣйствительно много разъ выручалъ барина изъ большихъ бѣдъ, но и былъ отъ него жестоко битъ, преимущественно за докучныя наставленія. А когда баринъ «давалъ Сиду отпускную, и деньги, и землю, то Сидъ Тимоѣевичъ все это съ гордостью отвергъ:—Ишь ты, подлое твое дворянское отродье, отступаться лучше хочешь, чтобы благодарнымъ не быть,—отвѣчалъ онъ, разрывая отпускную и дарственную».

Въ хроникѣ «Захудалаго рода» Патрикѣй Сударичевъ, крѣпостной слуга князя Протозанова привозитъ жемъ послѣдняго извѣстіе, что князь убитъ на войнѣ. Княгиня наградила его за вѣрную службу отпускною и клочкомъ земли. Преданный Патрикѣй возпротивалъ противъ этого и сталъ энергически отказываться. Княгиня настояла на своемъ, но затѣмъ оказалось, что Патрикѣй засунулъ вольную въ какой то ящикъ, гдѣ она и провалялась сорокъ лѣтъ. Патрикѣй «имѣлъ умъ довольно глубокий и сосредоточенный, характеръ солидный и даже немножко важный; онъ по натурѣ былъ фанатикъ расекой преданности и твердый консерваторъ старыхъ порядковъ» (VI, 33). «Охотникъ мечтать о дарованіяхъ и талантахъ, погибшихъ въ разныхъ русскахъ людяхъ отъ крѣпостного права, имѣлъ бы хорошую задачу расчислить: какихъ степеней и положеній могъ достигъ Патрикѣй на поприщѣ дипломатіи или науки, но я не знаю, предпочелъ ли бы Патрикѣй

Семеннычъ всякій блестящій путь тому, что считалъ своимъ призваніемъ: быть вѣрнымъ слугою своей великодушной княгинѣ. Ея рабъ, говорилъ онъ, и ея рабомъ я умру. И онъ такъ и сдѣлалъ. Въ этомъ былъ его *point d'honneur* и даже болѣе: онъ чувствовалъ потребность быть ей преданъ безъ мѣры» (68).

Именно «безъ мѣры». Типъ безкорыстно преданнаго двороваго человека не разъ эксплуатировался въ нашей беллетристичѣ и большими, и малыми художниками. Но никто не обращался къ нему такъ часто и не освѣщалъ его такъ преувеличенно и односторонне, такъ во всѣхъ отношеніяхъ «безмѣрно», какъ Лѣсковъ. Для «фанатика рабской преданности» Патрикѣя Сударичева онъ придумываетъ, напримѣръ, такое невозможное положеніе. У Патрикѣя есть сынъ, котораго княгиня Протозанова беретъ подъ свое покровительство, отдаетъ учиться и, что называется, выводитъ въ люди. Молодой Сударичевъ призъажаетъ къ отцу на побывку уже архитекторомъ. Княгиня приглашаетъ его къ себѣ обѣдать. Старый Сударичевъ возсталъ противъ этого: «Какъ, онъ, его сынъ «Николашка», будетъ сидѣть за однимъ столомъ съ княгиней! За тѣмъ самымъ столомъ, за которымъ самъ онъ, Патрикѣй Семеннычъ, такъ упорно присвоилъ себѣ право стоять и обходить гостей съ бутылкой мадеры... И, стало быть, теперь онъ и къ сыну, къ «Николашкѣ», долженъ будетъ подойти съ обернутою салфеткой бутылкой вина и спросить «прикажете мадеры» (65). Положеніе, конечно, трудное, но не безвыходное, даже не для такого тонкаго ума, какимъ авторъ рекомендуетъ княгиню Протозанову. Но княгиня нашлась только на половину: утихомирила старика и дала ему какое то порученіе на время обѣда, но допустила, что въ половинѣ обѣда онъ явился, занялъ свое обычное мѣсто за княгининымъ стуломъ, а въ надлежащее время сталъ обходить гостей съ бутылкой мадеры. «Онъ хотѣлъ показать, что изъ преданности можетъ даже и это снести», но, дойдя до сына и уже наклонившись къ нему для обычнаго вопроса: «прикажете?»—не выдержалъ и, крикнувъ: «пошелъ вонъ!» упалъ въ обморокъ...

Нѣтъ, кажется, надобности настаивать на совершенной нелѣпости этой сцены. Ясно, что для возведенія Патрикѣевской преданности въ «самую превосходную» степень Лѣсковъ наградилъ всѣхъ присутствовавшихъ за обѣдомъ, со включеніемъ Сударичева-сына и добродѣтельной княгини Протозановой, мѣдными лбами: никому изъ нихъ не позволилъ предотвратить нелѣпный эффектъ лакейскаго служенія старика отцу молодому сыну.

Съ особеннымъ наслажденіемъ размазываетъ (именно размазываетъ) Лѣсковъ словесную автобіографію «плодомасовскаго карлика», Николая Афанасьевича, «вѣрнаго раба», крѣпостнаго господѣ Плодомасовыхъ. Въ изданіи сочиненій она имѣется въ двухъ экземплярахъ: въ первомъ томѣ (150—171 стр.) и въ шестомъ (410—430). И не только самъ Лѣсковъ наслаждается, сочиняя

эту автобіографію, но и слушателей рассказовъ безмѣрно преданнаго карлика заставляетъ умиляться. Они восхищаются этими рассказами и вставляютъ въ нихъ умиленные восклицанія: «Наипотѣшнѣе это у него выходитъ!» «Ахъ, старичекъ прелестный!» Между прочимъ, карликъ рассказываетъ, какъ барыня хотѣла его женить на карлицѣ же, Меттѣ Ивановнѣ, «для пыжиковъ». Это, то есть, она желала маленькихъ людей развестъ, записываетъ въ своемъ дневникѣ священникъ Туберозовъ. Свадьба не состоялась собственно потому, что г-жа Плодомасова хотѣла купить Метту Ивановну, а владѣлица Метты Ивановны хотѣла напротивъ сама купить Николая Афанасьевича; дѣтей отъ нихъ, то есть «пыжиковъ», обѣ помѣщницы другъ другу уступали. А въ то время, какъ шла эта торговля, карликъ и карлица должны были заавлять барынь: ихъ, напримѣръ, одѣвали медвѣдями и заставляли бороться...

Этотъ рассказъ карлика производитъ необыкновенно тяжелое впечатлѣніе. Всѣ мы знаемъ, что и не такія еще вещи происходили надъ людьми въ такъ называемое доброе старое время. Поэтому не столько содержаніемъ своимъ неприятно поражаетъ рассказъ карлика, сколько тѣмъ умиленнымъ, слащавымъ тономъ, которымъ онъ ведется, тѣмъ восторгомъ, съ которымъ его слушаютъ присутствующіе, наконецъ, тѣмъ явнымъ сочувствіемъ, съ которымъ все это сочиняетъ Лѣсковъ. Г-жа Плодомасова изображена вообще гораздо болѣе симпатичными чертами, чѣмъ барыня «вѣрнаго раба» Ферапонта или барыня «вѣрнаго раба» Онда, но вѣдь нельзя же все-таки, кажется, восторгаться желаніемъ свести двухъ карликовъ для приплода «пыжиковъ», или этой борьбой двухъ несчастныхъ уродцевъ, наряженныхъ медвѣдями. Пусть бы «вѣрный рабъ» умилялся какими нибудь другими воспоминаніями о своей барынѣ, а обѣ этой обидѣ и издѣвательству хотъ умолчалъ бы изъ уваженія въ памяти покойницы. А онъ не только не умалчиваетъ, но рассказываетъ съ восторгомъ и приводитъ въ восторгъ и умнаго и благороднаго попа Туберозова, и добродушнаго дьякона Ахиллу, и другихъ, а главное—Лѣскова. Чѣмъ же Лѣсковъ тутъ восторгается? На чѣмъ инымъ, какъ фактомъ безмѣрной преданности вѣрнаго раба, ради которой онъ тоже безмѣрно готовъ пожертвовать и здравымъ смысломъ, и художественной правдой.

Я кончилъ о Лѣсковѣ. Я не думалъ исчерпать содержание всѣхъ двѣнадцати томовъ его сочиненій, но, думаю, и приведеннаго достаточно, чтобы видѣть, что въ какомъ бы направленіи или отношеніи мы ни изслѣдовали этого плодовитаго писателя,—въ отношеніи ли языка, или характера дѣйствующихъ лицъ, или въ отношеніи фабулы,—мы вездѣ встрѣтимся съ однимъ и тѣмъ же свойствомъ: безмѣрностью, отсутствіемъ чув-

ства мѣры. Это станетъ еще болѣе яснымъ, если ввести элементъ, мною намѣренно устраненный: его отношеніе къ нашимъ различнымъ партіямъ. Здѣсь природная безмѣрность окрыляется политическою озлобленностью, вслѣдствіе чего образы и картины получаютъ характеръ чудовищно фантастическій. Пусть любятъ на нихъ гг. Сементковскіе, тѣмъ самымъ свидѣтельствуя, помимо всего прочаго, о своей свободѣ отъ элементарнѣйшаго художественнаго чувства, а для насъ и безъ того ясно, что писателю, столь во всѣхъ отношеніяхъ безмѣрному, не мѣсто въ первыхъ рядахъ литературы.

За послѣдніе годы ни одно беллетристическое произведеніе не вызывало столько разговоровъ, какъ напечатанный въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли» рассказъ г. Чехова «Мужики». Не въ первый разъ г. Чеховъ вызываетъ къ себѣ такое усиленное и сосредоточенное вниманіе. Такъ было, напримѣръ, съ его комедіей «Ивановъ». Скоро однако разговоры объ этомъ вполнѣ неудачномъ произведеніи совсѣмъ прекратились и вышло такъ, какъ будто никогда и не было комедіи «Ивановъ». Мнѣ думается, что то же самое должно произойти и съ рассказомъ «Мужики». Это, разумѣется, ни малѣйше не колеблетъ репутаціи г. Чехова, а репутація эта очень опредѣленна: сильный талантъ, который можетъ, конечно, промахнуться и слабой вещью, но которому, главное, какія то обстоятельства мѣшаютъ развернуться во всю мѣру своей силы. Въ то же время едва ли кто отнесетъ г. Чехова къ числу писателей, «подающихъ надежды». Всѣ его почитатели—а у него ихъ очень много—признаютъ его уже осуществившимъ возмoжныя надежды и слѣдовательно мирятся съ тѣмъ, что этотъ большой талантъ никогда не покажетъ намъ полной мѣры своей силы.

«Мужики» были встрѣчены критикою болѣе чѣмъ благосклонно. Но крайней мѣрѣ тѣ отзывы, которые мнѣ попадались, переполнены похвалами. Говоря совершенно искренно, я не понимаю этихъ восторговъ. «Мужики» далеко не изъ лучшихъ рассказовъ г. Чехова. Въ нихъ есть что то недодѣланное, отзывающееся черновикомъ, при пересмотрѣ котораго авторъ навѣрное нѣкоторыя части развилъ бы, выдвинулъ бы впередъ, а нѣкоторыя другія напротивъ сократилъ бы. Вотъ, напримѣръ, часть описанія пожара:

Марья металась около своей избы, плача, ломая руки, стуча зубами. Хотя пожаръ былъ далеко, на другомъ краю; вышелъ Николай въ валенкахъ, повибѣгали дѣти въ рубашенкахъ. Около избы десятого забили въ чугунную доску. „Бейте, бейте, бейте“... понеслось по воздуху, и отъ этого частаго, неугомоннаго звона щемило за сердце и становилось холодно. Старыя бабы стояли съ образами. Изъ дворовъ выгоняли на улицу

овецъ, телятъ и коровъ, выносили сундуки, овчины, кадки. Вороной жеребецъ, которого не пускали въ табуны, такъ какъ онъ лгалъ и ранилъ лошадей, теперь, пущенный на волю, топоча, со ржаниемъ, пробѣжалъ по деревнѣ разъ и другой и вдругъ останавливался около телятъ и сталъ бить ее задними ногами.

Зазвонили и на той сторонѣ, въ деревнѣ.

Около горѣвшей избы было жарко и тѣмъ свѣтло, что на землѣ видна была отчетливо каждая травка. На одностѣ изъ сундуковъ, которые успѣли вытащить, сидѣлъ Семень, рыжій мужикъ съ большими носомъ, въ картузѣ, надвинутомъ на голову глубоко до ушей, въ пижамѣ; его жена лежала лицомъ внизъ, въ забытыя, и стонала. Какой то старикъ лѣтъ восьмидесяти, низенькій, съ большой бородой, похожій на гнома, не здѣшній, но, очевидно, причастный къ пожару, ходилъ вездѣ съ бѣлыми узелкомъ въ рукахъ; на лысинѣ его отсвѣчивалъ огонь.

Не правда ли, яркая картина? Вглядитесь, однако, въ нее попристальнѣе, хотя бы только въ тѣ мѣста, которыя я подчеркнул. «Старыя бабы стояли съ образами». На одной изъ передвижныхъ выставокъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, была картина на этотъ сюжетъ: освѣщенная очевидно близкимъ пламенемъ пожара часть избы, у дверей которой стоитъ старая баба съ иконой въ рукахъ. Ничего больше, никакихъ другихъ подробностей. Но въ физиономію бабы художникъ (въ сожалѣнію, не помню его имени) вложилъ столько спокойной увѣренности, что икона оградить избу отъ огня, который, однако, вотъ-вотъ отгонитъ бабу,—что передъ вами раскрывается пѣлая сложная сторона мужицкой жизни. Въ картинѣ г. Чехова старыя бабы съ образами—мелкая деталь, занимающая ровно столько же мѣста, сколько отраженіе огня на лысинѣ старика. Притомъ же записана эта деталь такъ небрежно, что не всякій и пойметъ, въ чемъ тутъ дѣло: можетъ быть бабы просто спасали образа. За то мы узнаемъ, не только какъ велъ себя на пожарѣ вороной жеребецъ, но и какой у него вообще дурной характеръ.

Это, конечно, мелочи. Но и въ самыхъ существенныхъ частяхъ разсказа мы встречаемъ ту же черновую небрежность или недодѣланность, особенно бросающуюся въ глаза при тщательной разработкѣ второстепенныхъ подробностей.

Крестьянинъ Николай Чивильдѣевъ служилъ въ Москвѣ, въ «Славянскомъ Базарѣ», половымъ, но пришелъ въ негодность, заболѣлъ и рѣшилъ уѣхать въ родную деревню, вмѣстѣ съ женой, служившей въ Москвѣ же горничной въ меблированныхъ комнатахъ, и маленькой дочерью. Въ деревнѣ онъ съ перваго же дня получаетъ множество непривычныхъ для него тяжелыхъ впечатлѣній: грязь, нищета, грубость, пьянство, драки. Онъ рвется изъ этого омута, но податься некуда. Здоровье его слабѣетъ, какой то старикъ, отставной военный фельдшеръ, ставитъ ему банки, непосредственно послѣ которыхъ больной умираетъ. Его жена и дочь уходятъ въ Москву пѣшкомъ, собираясь по дорогѣ Христовымъ именемъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе «Мужиковъ». Нѣкоторые детали разсказа сдѣланы съ свойственнымъ г. Чехову мастерствомъ. Нѣкоторыя фигуры, напримѣръ, старосты Антона Сѣдельникова, двухъ невѣстокъ,—забитой Марьи и «озорной» Оеклы,—памѣтчивыи всего нѣсколькими штрихами, стоятъ передъ вами, какъ живые. Но даже и они вызываютъ временами чувство досады на автора, на его небрежность. Напримѣръ. Озорная Оекла очень дурно относится къ пріѣзжимъ москвичамъ, въ особенности къ женѣ Николаю, Ольгѣ: ругается, даже дерется. Кроткая, не помнящая зла Ольга отплачиваетъ ей добромъ. Оекла ночью «гуляла» за рѣкой съ какими то «озорниками» изъ помѣщичьей усадьбы, а тѣ въ заключеніе раздѣли ее до нага, да такъ и пустила домой. Ольга ласково прикрыла ее въ двойномъ смыслѣ слова: и одѣла, и помогла скрыть приключеніе. У читателя естественно является вопросъ: какъ же послѣ этого стала относиться Оекла къ Ольгѣ? Разумѣется, читатель не имѣетъ права приста- вать къ автору со всѣми вопросами, какіе ему придутъ въ голову при чтеніи. Но въ данномъ случаѣ вопросъ самъ собой вытекаетъ изъ особеннаго, экстреннаго положенія, въ которое самъ авторъ поставилъ своихъ дѣйствующихъ лицъ. Озорная, грубая Оекла, можетъ быть, во всю свою жизнь ни одного ласковаго слова не сказала,—вонъ даже сейчасъ она вернулась изъ-за рѣки осрам- ленная, а еще это была гулянка, веселье. Можетъ быть, въ пер- вый разъ въ жизни нашелся человѣкъ, который ее пожалѣлъ, и мы хотимъ знать, какъ она въ этому отнеслась. Мы ничего не подсказываемъ автору, не требуемъ, напримѣръ, чтобы Оекла принялась чувствомъ благодарности къ Ольгѣ или, наоборотъ, еще пуще не взлюбила ее; мы хотѣли бы только посмотреть на нѣкую вѣсть ності описаннаго случая. Но автору не приходится въ голову удовлетворить это естественное желаніе: имена Оеклы и Ольги больше ни разу не встрѣчаются въ разсказѣ рядомъ, хотя онѣ прожили еще чуть не цѣлый годъ въ одной избѣ.

Во всякомъ случаѣ нѣкоторыя второстепенныя дѣйствующія лица сдѣланы гораздо лучше, чѣмъ главныя: Николай и Ольга Чинальдѣвы и ихъ дочь Саша. Въ особенности неудачна Ольга. И не хочу сказать, что такихъ не бываетъ, но авторъ не сдѣ- лалъ ее вѣроятною, не представилъ въ ея пользу никакихъ оправ- дательныхъ «человѣческихъ документовъ». Ольга—сама кротость, ласка и приличіе; она грамотная и любитъ читать евангеліе; читаетъ она его безъ всякаго пониманія и плачетъ отъ умиле- нія при словахъ «аще» и «дондеже», но она и безъ понима- нія проникнута духомъ евангельской любви и всепрощенія, въ каковомъ духѣ и дочь свою, Сашу, воспитала. Все это дѣлаетъ ее какимъ то свѣтымъ пятномъ на мрачномъ и грязномъ фонѣ жизни «мужиковъ». Но вась невольно беретъ сомнѣніе въ прав- дивости этого образа. Ольга была въ Москвѣ горничной въ меблѣ-

рованныхъ комнатахъ, а что такое московскія меблированныя комнаты, объ этомъ неслѣдующіе люди могутъ отчасти узнать изъ напечатаннаго въ апрѣльской же книжкѣ «Русской Мысли» разсказа г. Тимковскаго «Привать-доцентъ». Въ одномъ изъ такихъ учреждений «передъ Корнелиевымъ (привать-доцентъ) замелькали потныя, сердитыя лица, полупьяные глаза, отчаянно жестякулирующія руки; слышались возгласы: «шудерство... негоднѣйство... ноги моей не будетъ... пошелъ ко всѣмъ чертямъ!» и т. п. Испуганный и оглушенный, Корнелиевъ бокомъ пробрался къ двери и высунулся въ коридоръ». Въ другихъ меблированныхъ комнатахъ одинъ жилецъ жалуется Корнелиеву: «У васъ вонь тамъ весна, а анаоемская хозяйка по этому случаю топить перестала: видите, какую сырость развела? Эти квартирные хозяйки, и вамъ скажу, такія...»

Разсказъ г. Тимковскаго посвященъ вовсе не описанію меблированныхъ комнатъ. Приведенныя черты жизни являются въ разсказѣ, конечно, въ болѣе развитомъ видѣ, чѣмъ у меня, но все таки онѣ отмѣчаются мимоходомъ. Въ нашей литературѣ найдутся гораздо болѣе яркія и полныя изображенія жизни въ московскихъ меблированныхъ комнатахъ, и я привелъ нѣсколько строкъ изъ разсказа г. Тимковскаго только потому, что читатель найдетъ его рядомъ съ «Мужиками» г. Чехова. По и въ приведенныхъ нѣсколькихъ строкахъ содержится достаточно намекъ на ту дѣйствительность, въ которой жила Ольга въ Москвѣ. Богема, населяющая меблированныя комнаты, часто проводитъ время болѣе, чѣмъ весело, и горничная тутъ всякой штуки навидится и наслышится; а хозяйка, хоть и не непременно «анаоемская», своего во всякомъ случаѣ не упуститъ, и горничная тутъ всякой штуки натерпится и въ смыслѣ неустанной работы съ утра до вечера, и въ смыслѣ помѣщенія гдѣ нибудь въ конурѣ подъ лѣстницей. При этихъ условіяхъ могутъ выработаться очень различныя типы горничныхъ, но только не Ольги; это не типъ, а экземпляръ, сложившійся благодаря какимъ то особеннымъ, несомненнымъ обстоятельствамъ, которыхъ намъ авторъ не показалъ, а потому и Ольга является совершенно неоправданною.

Можетъ быть, на Ольгу вліялъ мужъ, Николай? Это, повиному, мягкій, добрый человѣкъ, но это и все, что объ немъ можно сказать: онъ гораздо блѣднѣе Ольги. Въ профессіи своей Николай относится какъ бы даже восторженно. Когда онъ въ деревнѣ слышитъ въ первый разъ звонъ ко всенощной, онъ «мечтательно» вспоминаетъ: «Тѣмъ эту пору въ Славянскомъ Базарѣ обѣди». Ночью, когда онъ не можетъ спать, надѣваетъ свой лакейскій фракъ и ходитъ по комнатамъ; при случаѣ охотно говоритъ о восторгѣ, испытанномъ имъ въ этотъ вечеръ. Эти нѣсколько комическія черты, придающія блѣднѣйшей фигурѣ Ни-

колая, тонуть въ его мягкости и деликатности, но не въ нихъ же искать источника святости Ольги. И опять таки мы ничего не узнаемъ о жизни Николая до его прїѣзда въ деревню, кромѣ того, что онъ одиннадцати лѣтъ былъ отвезенъ на трактирную лакейскую службу въ Москву.

Недавно въ «Сыпѣ Отечества» была напечатана замѣтка о положеніи трактирныхъ половыхъ. Авторъ, между прочимъ, говоритъ:

Одинъ изъ моихъ читателей пишетъ мнѣ отъ своего имени и отъ имени своихъ товарищей по работѣ и указываетъ, что ихъ работа начинается съ 7 часовъ и продолжается до 2-хъ и 4-хъ часовъ ночи. Вѣдь это не меньше 19 часовъ работы. Скажутъ, что эта работа легкая, что очень часто приходится сидѣть совсѣмъ безъ дѣла. Да, но вѣдь сидѣть безъ дѣла въ ожиданіи, что каждую минуту любой пьяница можетъ васъ позвать и начать безнаказано надѣваться надъ вами, — это еще не значитъ отдыхать. Большинство служащихъ работаютъ безъ жалованья, существуя исключительно тѣми деньгами, которыя посѣтителі даютъ «на чай». Изъ этихъ же денегъ служащій уплачиваетъ хозяину за разбитую посуду. «Никакое начальство, никакое покровительственное общество не входитъ въ наше положеніе, жалуется авторъ письма, такъ что въ обществѣ служащій человекъ что то такое ненужное и презрѣнное, что ни просьба, ни жалоба отъ него никто не желаетъ принимать. Разъ онъ слуга, значитъ долженъ быть и подчиненъ и добръ по характеру и честенъ и за все молчать и все переносить. А вѣдь онъ тоже человекъ. А онъ тоже и жить хочетъ».

Вотъ какіе виды видалъ и Николай Чибильдѣевъ за свою долготѣнную лакейскую службу съ одиннадцати лѣтъ и до старости. Но авторъ вычеркнулъ все это изъ его памяти, не показавъ и читателю и поставилъ въ среду «Мужиковъ» такимъ, какимъ онъ является посѣтителю Славянскаго Базара: чистоплотнымъ, деликатнымъ, весело предупредительнымъ, любезно предлагающимъ скушать котлету-маршаль. Выходитъ опять своего рода свѣтлое пятно, и опять неоправданное.

Вообще весь рассказъ г. Чехова производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто талантливый и наблюдательный человекъ, попавъ въ деревню, поразился ея нищетою и грязью, наскоро занесъ свои впечатлѣнія въ свою записную книжку; потомъ вспомнилъ лакея, видѣннаго имъ въ московскомъ трактирѣ и обратившаго на себя его вниманіе своею мягкостью и деликатностью, и такъ и ввелъ его въ деревенскую картину; потомъ присочинилъ ему жену и дочь, потомъ наскоро и грубо присочинилъ кое какіи сцены для пополненія запаса подлинныхъ наблюденій. Еслибы все это выровнять, отдѣлать, то, при талантливости автора, могла бы выдти прекрасная вещь, а теперь вышли только «Мужики».

Но можетъ быть этотъ рассказъ, хотя бы и не изъ удачныхъ самъ по себѣ, дорогъ тѣмъ, что даетъ матеріалъ для важныхъ выводовъ, которые вотъ и дѣлаются критикой? Посмотримъ.

Во всемъ, что я слышалъ и читалъ о «Мужикахъ», меня

прежде всего поразило то, что, восхищаясь талантичностью этого произведения, талантом г. Чехова вообще, никто не попытался вспомнить хоть одно какое нибудь изъ прежнихъ произведений г. Чехова. А ведь это такъ естественно, когда рѣтъ идти о произведеніи талантливаго писателя, имѣющаго болѣе или менѣе долгое литературное прошлое. Читая, напримеръ, не то что такую грандіозную работу, какъ «Война и миръ», а даже такой незначительный рассказъ, какъ «Хозяинъ и работникъ», вы невольно вспоминаете рядъ образовъ и картинъ изъ другихъ произведений Толстого, ищете въ нихъ дополненій, разъясненій, параллелей, контрастовъ; вамъ открываются такія или нѣны перспективы въ творческій міръ Толстого вообще. Возьмите любого другого беллетриста, привлекающаго къ себѣ вниманіе публики: Тургенева, Салтыкова, Успенскаго, Достоевскаго; вездѣ вы получите то же самое: столь тѣсную связь между, если не всѣми, то большинствомъ ихъ произведений, что даже при желаніи изолировать какое нибудь одно изъ нихъ, сдѣлать это трудно. Это напротивъ очень легко относительно г. Чехова. Трудно напротивъ найти какую нибудь связь между «Мужиками» и «Ивановичемъ», «Степью», «Палатой № 6», «Чернымъ монахомъ», водсвѣдами въ родѣ «Медвѣди», многочисленными маленькими рассказами. Есть только одно произведение, которое мнѣ всегда вспоминается при чтеніи каждой новой работы г. Чехова. Это «Случайная исторія», и въ ней грустные слова главнаго дѣйствующаго лица: «Во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ, какія я составляю обо всемъ, нѣтъ чего то общаго, что связывало бы все это въ одно цѣлое. Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка. А если нѣтъ этого, то, значить, нѣтъ и ничего»...

Послѣднее, можетъ быть, ужъ слишкомъ сурово: Николай Степановичъ, говорящій эти печальныя слова, есть умный, ученый и добрый человѣкъ; умъ, знанія, доброта за нимъ и остаются. Точно также за г. Чеховымъ остаются талантъ и наблюдательность, но «того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка» — у него нѣтъ. Въ этомъ, между прочимъ, и заключается разгадка той странности, что всѣ мы, почитатели таланта г. Чехова, твердо знаемъ, что онъ никогда не развернетъ этотъ свой талантъ во всю мѣру его силы. Отсюда же слѣдуетъ и другой общій выводъ, а именно тотъ, что никакихъ общихъ выводовъ изъ произведений г. Чехова дѣлать не слѣдуетъ, да и просто нельзя. Безпрестанно перенося свое художественное вниманіе съ одного предмета на предметъ, онъ довольствуется самыми поверхностными наблюденіями. Поверхностность эта скрадывается боль-

шю талантливостію, но все таки не нужно быть «самымъ искуснымъ аналитикомъ», чтобы усмотрѣть ее, а значить и отказаться отъ какихъ бы то ни было выводовъ на основаніи столь скуднаго, поверхностнаго матеріала.

Чеховъ хотѣлъ показать «Мужиками» то-то или то-то... Такъ говорятъ и пишутъ. Я этого не знаю и вполне допускаю, что г. Чеховъ даже ровно ничего не хотѣлъ показать, а просто писалъ, какъ писалось, подъ вліяніемъ извѣстныхъ впечатлѣній съ одной стороны, извѣстнаго настроенія — съ другой. Для меня лично никакіе общіе выводы не слѣдуютъ изъ написанной имъ картины, въ которой столько случайнаго, эвемплярнаго, непропорціональнаго и недоговореннаго, несмотря на громкое и какъ бы сужмпрующее заглавіе «Мужики». Другіе думаютъ иначе. Говорятъ, напримѣръ, что мы получили яркую картину деревенской нищеты, невѣжества и дикости, а это уже само по себѣ есть призывъ, указаніе на необходимость просвѣщенія деревни. Когда то подобныя картины не были рѣдкостью въ нашей литературѣ, раздавались даже негодующіе голоса, что она «провоняла мужикомъ» и что надобно слушать, какъ «какой нибудь Сысойка отъ дикости своей принужденъ сосновой корой питаться». Потомъ и совсѣмъ было о мужикѣ забыли, а теперь вотъ онъ опять всплылъ въ рассказѣ г. Чехова, да еще какого шуму надѣлалъ! Какъ бы то ни было, но необходимость просвѣщенія мужика (если ее еще нужно доказывать) дѣйствительно вытекала бы изъ рассказа г. Чехова, еслибы не лучезарность Николая и Ольги Чикильдѣвыхъ. Одна плачетъ при словахъ «аще» и «дондеже», а другой умѣетъ вѣроятно написать счетъ, обозначивъ въ немъ котлету-маршаль и «ѣфъ бруи» и многое другое. Это, конечно, просвѣщеніе, но дѣло не въ немъ, очевидно, а въ тонкой чувствительности, деликатности, «гуманности», воспитанныхъ городской жизнью.

Необходимость просвѣщенія — выводъ практическій, приглашающій къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ. Другіе считаютъ его пустяками, не стоящими вниманія, а важень, дескать, выводъ теоретическій: городъ въ лицѣ полового Николая и горничной Ольги выше деревни въ лицѣ ихъ дикихъ сродниковъ. Ну, а дальше что? Слѣдуетъ ли изъ этого, что городъ, который и безъ того хорошъ, можно оставить безъ вниманія, и всѣ заботы общества должны сосредоточиться на деревнѣ, которая такъ темна и безпомощна? Повидимому, нѣтъ, и даже скорѣе напротивъ. Во всякомъ случаѣ насъ предпочитаютъ держать на высотѣ чисто теоретическаго вывода и настаиваютъ на немъ съ страннымъ иолимпическимъ задоромъ. Задоръ этотъ страненъ по своей запоздалости. Было время, когда кое кто изъ нашихъ беллетристовъ чрезмѣрно идеализировалъ деревню въ ущербъ или въ пикъ городу. Были у этого направленія свои теоретики-публицисты, при-

бѣгавшіе къ чрезвычайно страннымъ приѣмамъ для оправданія и развитія своихъ положеній. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ писалъ: «Если только намъ суждено скоро услышать «надлежащее слово», его скажутъ люди деревни, а не города, и ужъ всего меньше Петербурга. Да, скажетъ его деревня, какъ бы презрительно ни думали о ней книжники. Хотѣлось бы пояснить, что подъ деревней здѣсь подразумѣвается единица, олицетворяющая собою принципъ солидарности, нравственной связи, въ противоположность принципу крайняго индивидуализма и разобщенности, выразителемъ котораго былъ и есть европейскій городъ». Это писалъ двадцать лѣтъ тому назадъ въ «Недѣлѣ», нѣкто г. П. Ч. вѣроятно давно уже отказавшійся отъ своей тогдашней точки зрѣнія. Да и вообще въ настоящее время въ литературѣ нѣтъ ея представителей. Но за то ее усвоили, напримѣръ, комментаторы «Мужиковъ», только, такъ сказать, съ перемѣною адреса. Логическая ошибка вышеприведеннаго разсужденія г. П. Ч., какъ я тогда же указывалъ, состоитъ въ томъ, что, вѣрно или невѣрно усвоивъ деревнѣ извѣстную черту, онъ *отвлекаетъ* ее отъ всѣхъ непривлекательныхъ сторонъ деревни—ея невѣжества, пьянства, грубости—и противопоставляетъ эту *отвлеченную* деревню *конкретному* Петербургу, въ которомъ, конечно, много мерзостей. Совершенно такъ же поступаютъ комментаторы «Мужиковъ» (я не говорю самъ г. Чеховъ). Вѣрно или невѣрно приписать извѣстныя черты городскому жителю вообще, они берутъ *отвлеченную* половую—вытираютъ изъ его прошлаго всѣ тычки, пинки, ругательства и издѣвательства, претерпѣнныя имъ съ одиннадцатилѣтняго возраста до тѣхъ поръ, пока онъ самъ сталъ раздѣлять таковыя таковыя же мальчишкамъ-ученикамъ; промываютъ его глаза и уши отъ всего, что онъ видѣлъ и слышалъ въ отдѣльных кабинетахъ; вычеркиваютъ и его ежедневную 19-и-часовую работу, и всѣ гнусныя привычки хамскаго угодничества изъ-за «на-чаевъ», вырабатываемыя нашими дикими нравами вообще, и всѣ тѣ оскорбленія, которыя онъ, благодаря все той же нашей общей дикости, получилъ отъ пьяныхъ посѣтителей, и проч., и проч. Вотъ, напримѣръ, недавно писали въ газетахъ, что какой то миллионеръ изъ купцовъ заставилъ лакея-татарина въ загородномъ ресторани лечь на полъ кабинета и, поливая его шампанскимъ, приговаривалъ: «плавай!» Старикъ-татаринъ, для угожденія «хорошему гостю», легъ на полъ и началъ руками и ногами производить движенія, какъ во время плаванія. — «Теперь получай награду», — возвѣстилъ коммерсантъ, и далъ татарину пятьсотъ рублей. Татаринъ остался крайне доволенъ и съ восторгомъ, какъ заявляютъ газеты, заявилъ окружающимъ: «Тридцать лѣтъ служу, а такого хорошаго господина не видалъ»... Все это отмѣтается, стирается, и получается исключительно воплощеніе того момента каторжной жизни полового, когда онъ любовно и

предупредительно предлагаетъ вамъ въ хорошемъ московскомъ трактирѣ: спаржи не прикажете ли?—хорошую получили. И этого отвлеченнаго полового вѣдряютъ въ конкретную, даже въ ультраконкретную деревню, изъ которой не только ни одна подлинная соринка не выметена, а еще лишняго навозу навалено для большей яркости.

Отвлеченный половой всѣмъ возмущается въ конкретной деревнѣ. «На Илью пили, на Успенье пили, на Воздвиженье пили. На Покровъ въ Жуковѣ былъ приходскій праздникъ, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 рублей общественныхъ денегъ и потомъ еще со всѣхъ дворовъ собирали на водку». Да, это правда, и ужасная правда. Но вѣдь это только для отвлеченнаго полового невидалъ, а конкретный половой знаетъ, что въ московскихъ трактирахъ круглый годъ, каждый день пьютъ. — Въ избѣ, въ которой пришлось поселиться Чикильдѣевымъ, грязно, тѣсно, душно. Да, навѣрное такъ. Но прочтите печатающуюся въ этой же книжкѣ «Русскаго Богатства» статью г-жи Покровской «Жилища петербургскихъ рабочихъ», и вы увидите, что не только на деревенской родинѣ Чикильдѣева есть люди, живущіе въ грязи, тѣсно, смрадѣ. И конкретный половой не можетъ этого не знать, потому что, какъ засвидѣтельствовано многочисленными полицейскими протоколами, многіе половые, проработавъ 18—19 часовъ въ трактирной атмосферѣ со всѣми ея прелестями, отдыхаютъ, то есть спятъ въ условіяхъ, своими неудобствами, можетъ быть, превосходящихъ даже избу Чикильдѣевыхъ. Ну, а отвлеченный Чикильдѣевъ,—тотъ такъ и стоитъ въ храмоподобномъ залѣ Славянскаго Базара, облеченный во фракъ и крахмальную манишку, и любезно улыбается. Есть, однако, и относительно этого франта одно указаніе, способное очень ослабить то впечатлѣніе свѣтлаго пятна, которое онъ производитъ на фонѣ деревенскаго мрака. Проработавъ, не зная отдыха, лѣтъ сорокъ, онъ не имѣетъ, гдѣ приклонить голову, и ѣдетъ кончать жизнь въ деревню; а послѣ его смерти его жена и дочь побираются Христовымъ именемъ. И такъ это просто, точно онъ всегда къ этому готовы были. Дойдя до перваго же села, «остановившись около избы, которая казалась побогаче и новѣе, передъ открытыми окнами, Ольга повлонила и сказала громко, тонкимъ, пѣвучимъ голосомъ: — Православные христіане, подайте милостыню Христа ради, что милость ваша, родителямъ вашимъ царство небесное, вѣчный покой. — Православные христіане—запѣла Саша, — подайте Христа ради, что милость ваша, царство небесное»...

Господа, подайте милостыню своего вниманія подлинной вдовѣ и сиротѣ подлиннаго рабочаго человѣка, гдѣ бы онъ ни работалъ, въ деревнѣ ли, въ городѣ ли; и не сшибайте лбами двухъ разрядовъ людей, жизнь которыхъ, въ разномъ родѣ,

но одинаково темна и скудна, одинаково требует и одинаково заслуживает участия...

«Кто то нарядилъ его во фракъ, научилъ его держаться по-лакейски, заставилъ выражать всей своей фигурой удовольствіе при видѣ кушающихъ и пьющихъ господъ, заставилъ «затвердить» сотни казенныхъ то словъ, невѣдомо что означающихъ, словомъ замаскировалъ и скрылъ его подлинную человѣческую суть—и вотъ эта то суть, горькое, каторжное существованіе простаго рабочаго человѣка, недосыпающаго и недоѣдающаго, вдругъ зазвучало въ его монологъ о ливерахъ и финзербахъ такъ ясно и такъ жалобно, что скучающіе посѣтители не осмѣлились продолжать шутки.

— Конечно, продолжалъ лакей, уже не какъ лакей, а какъ каторжный работникъ, конечно, кто знаетъ, на примѣръ, иностранный языкъ и досугъ у него есть, такъ это очень легко затвердить, а нашему брату-мужику очень это трудно! Я отродясь не знаю, каковъ таковъ и досугъ то есть на свѣтѣ... Десяти годовъ меня въ Петербургъ представили изъ деревни... У насъ въ Ярославской губерніи народъ все отхожій—то въ Москву, по трактирной части, то по фабричной... У меня отецъ на фабрикѣ померъ, осталась мать, двѣ сестры маленькія, да я по десятому году. Мать то на фабрику пошла, а меня въ Питеръ увезли. Насъ, ярославскихъ ребятъ, какъ телятъ въ Питеръ возятъ. Такіе есть мужики—наберетъ мальчишекъ штукъ десятокъ, на свой счетъ представитъ ихъ въ Питеръ ли, въ Москву ли и раздастъ по трактирамъ, по кабакамъ. Конечно, на этомъ и наживаетъ съ хозяевъ. Такъ меня десяти годовъ на Сѣнную, въ самый черный трактиръ опредѣлили. День и ночь торговали, извозничій. Два года стоялъ за стойкой, посуду мылъ. А что побоевъ! Все по годовѣ, все по затылку, съ оплеухой! Такъ сколько я претерпѣлъ, покудова Господь меня сподобилъ съ Сѣнной то изъ вертепа достигнуть до ресторана! Конечно, добрые люди помогли, научили всему.

— Да чему же тутъ учить?

— Помилуйте, какъ чему? Теперича на сватъбахъ официантомъ приглашаютъ, все надо знать, оршадъ, лимонадъ, весь придокъ. Да тутъ страсть Господня! Опять, какъ подать, какъ обойтись... Облей ко соусомъ то гостя—ну и вонъ! Какъ можно! Тутъ ни дня, ни ночи покою нѣтъ. Главное, спишь кое-какъ, совѣмъ по нашей должности сна мало... Такъ тутъ, при такой жизни, гдѣ ужъ намъ доходить до всего—дай Богъ только памятью не сбиться! Я этотъ самый преисъ-курантъ то мѣсяца три по ночамъ зудилъ, съ огаркомъ, покудова вошелъ въ память. Только бы Господь далъ не перепутать. А кромѣ того надо съ гостемъ обойтись умѣть, услужить ему; а иной буйный на то и

С притоку изуоста из р-за Т. Успенско "Развеселил
 народ: " Кр-го напояти ео во гура (...)
 с. 1, с. 959-970
 Успенско
 за гласи "заверну" отди ками-ро сиб,
 неведомо зо ученашчичи (.../ девер чешко-
 ва! "

Зо я ватисан из раскожа Т. Неде
 Успенско "Развеселил народ" (Сочинение,
 т. I, 959-970), курроид рекомеладучо предчи-
 рау или передучо вси так или имене
 замечересоловавшиса "Лукинич" т. Герб.
 (.../ Поповид Успенско тме идирид, деши-
 коуран иповеа, каа и тикопид иимиль-
 сев. Но, во-первак.